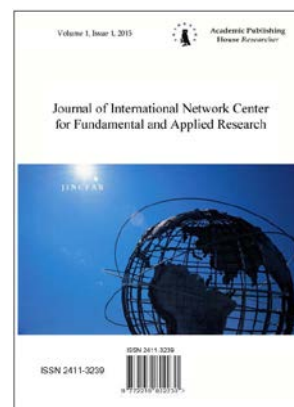

Copyright © 2015 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Journal of International Network Center
for Fundamental and Applied Research
Has been issued since 2014.
ISSN 2411-3239
E-ISSN 2413-7588
Vol. 6, Is. 4, pp. 188-196, 2015

DOI: 10.13187/jincfar.2015.6.188
www.ejournal36.com

UDC 94

Material Culture of the Southern Russian Peasants in the 1920th years: Condition of Housing

Susanna D. Bagdasaryan

Sochi State University, Russian Federation
PhD (Historical Sciences), Associate Professor
E-mail: BSD73@mail.ru

Abstract

The natural and geographical conditions significantly differing in these or those regions of so extensive country as Russia, already from an extreme antiquity had the defining impact on receptions of a house building and typology of the Russian housing. As the famous expert on the Russian village wrote, the academician L.V. Milov, a construction stone in the country was very little and "in the conditions of severe and long winter the stone structure would demand so large number of firewood that to prepare it to the peasant, using only one axe" (hand saws began to get occasionally into life of the Russian village only approximately in the second half of the XVIII century)" was beyond the power simply". The only alternative to a stone in the sphere of a house building there was a tree. [1] But if the told fairly concerning the central and northern territories of Russia rich with the wood, the southern regions of our country couldn't be called woody in any way and therefore the most widespread construction materials here long since were clay, poles, brushwood, a cane.

Keywords: material culture; house building; rural inhabited construction; dwelling; hut.

Введение

Под влиянием природных условий уже у восточнославянских племен сложилось два основных типа жилищ: «в лесной полосе преобладали наземные срубно-бревенчатые постройки, в лесостепной и степной полосах – полуземлянки с деревянными, плетеными или глинобитными стенами». [2] Впоследствии на смену полуземлянкам пришли наземные глинобитные жилища, получившие широкое распространение и на Юге России.

В XIX в. глина являлась основным материалом при сооружении крестьянских жилищ на Дону, Кубани и Ставрополье, вне зависимости от того, что технологии строительства были различны. Обычно южно-российские хлеборобы сооружали турлучные и саманные, а также литые или вальковые жилища, традиционно именовавшиеся хатами. Собственно, на Кубани хатой называли именно глинобитное жилое строение, тогда как жилище из дерева или кирпича обычно величали домом. [3] Методики домостроительства на Юге России формировались под сильным влиянием Украины (благодаря переселявшимся в наш регион крестьянам и бывшим запорожским казакам) и других регионов Российской империи

(откуда тоже прибывали переселенцы), а также, безусловно, под воздействием местных традиций, причем последние часто взаимно обогащали друг друга. В частности, исследователи совершенно справедливо указывают, что в архитектурном облике кубанской хаты совмещались черты жилищ степных и лесостепных районов Украины, а в восточных районах Кубани сказалось влияние «домостроительства донского казачества и населения южнорусских районов». [4]

Материалы и методы

Источниковедческой базой исследования стал спектр публицистических, монографических материалов, раскрывающих хозяйственно-бытовую повседневность южно-российского крестьянства в 1920-е годы. Методологической основой работы послужил метод исторического сравнения сохранившихся сведений о состоянии крестьянского жилья в исследуемый период, произведено обозрение воспоминаний живых свидетелей эпохи.

Результаты

Турлучная хата (от «турлук» – жердь для крепления чего-либо [5] или, в другом варианте, строительный материал, глиняно-соломенная смесь [6]) представляла собой деревянный каркас, с двух сторон обмазанный довольно толстым, – до 30 – 40 см, – слоем глины, смешанной с соломой. Из глины обычно делали и пол, возвышавшийся над поверхностью земли на 20 – 30 см. [7] Другим наименованием данного строения являлось хата «на сохах», поскольку вертикальные опоры деревянного каркаса именовались именно так. Донской исследователь М.А. Миллер, который в 1912 г. описывал процесс возведения хаты «на сохах», указал и на происхождение названия. Он отмечал, что сначала по углам площадки, на которой должно было стоять это жилище, вкапывались столбы с осмоленными, но не заостренными концами (это и есть «сохи»). По линиям будущих стен вкапывали более тонкие столбы, на расстоянии одного аршина (71,12 см) друг от друга, равной вышины с сохами. Все верхние концы столбов, писал Миллер, «задалбливаются в верхний венец», который рубится из 1,5 вершковой (около 6,7 см) доски; то есть, этим «верхним венцом» соединялись друг с другом вкопанные в землю жерди. Между столбами делались поперечные перекладины под окна и двери. Остальное пространство будущих стен покрывалось тонкими перекладинами, на расстоянии менее аршина одна от другой. С внутренней стороны к ним привязывали пучки камыша, которые затем обмазывали глиной. Когда глина высыхала, снаружи повторяли такую же операцию. [8]

Саманные жилые постройки (саман – крупный сырцовый кирпич, изготовленный из смеси глины, соломы, навоза, половы [9]) внешне были очень похожи на хаты «на сохах», но, в отличие от последних, возводились с минимальным использованием дерева. Если хата «на сохах» представляла собой деревянный каркас, с обеих сторон обмазанный толстым слоем глины, то саманная хата складывалась из упомянутых крупных сырцовых кирпичей; эти кирпичи скреплялись друг с другом глиняным раствором, а возведенная таким образом стена обмазывалась той же глиной и, опять-таки, с обеих сторон. Тот же Миллер отмечал сходство саманных и турлучных хат, указывая в качестве отличия устройство их окон и дверей: если в хате «на сохах», как уже указывалось, для этого к вертикальным опорам крепились поперечные деревянные перекладины, то в стену саманного жилья деревянные рамы для окон и дверей встраивались. [10]

Во многих степных станицах Кубани возводились также литые или вальковые дома. Первые строились путем забивки глины в деревянную опалубку; после того, как глина затвердела, опалубку снимали. [11] Стены же вальковых домов «возводились из крупных (до 7 кг) круглых или овальных глиняных комьев, которые накладывали друг на друга рядами (шарами) высотой до 60 – 70 см; каждый ряд в течение нескольких дней просушивали». [12] В кубанских станицах Азовского побережья стены домов делали даже из дерна. Дерн резали на кирпичи размером 35×15×15 см, сушили и складывали в штабеля; как отмечали в 1960-х гг. советские исследователи, «по свидетельствам старожилов, дома из дерна были прочными и служили до 90 лет». [13]

Турлучные, саманные и другие глинобитные жилые строения обычно не имели фундаментов, [14] но из этого правила были исключения, обусловленные региональной спецификой. Так, Миллер отмечал, что на Нижнем Дону хаты «на сохах» стали «в последнее

время» сооружаться на фундаменте в виде венца из бревен, а саманные жилища здесь всегда строятся на фундаменте. [15] Впрочем, фундамент саманных построек, будь то жилое помещение или хозяйственные постройки, обычно представлял собой один ряд камней, которые не закапывались (заглублялись) в землю, а попросту укладывались на поверхности.

Для увеличения прочности построек с минимальным использованием дерева (тех же саманных хат) нередко применялся камыш. Например, после того, как были выложены три-четыре саманных ряда, сверху укладывали толстые и длинные камышины, как своего рода арматуру в бетоне. После укладывания очередных рядов самана эту операцию повторяли, и так до самого верха. Затем очередной ряд самана, и так чередовали до самого верха. [16] Из камыша часто делали и потолок в глинобитных жилищах. Основой потолка служили жерди, на которые укладывались пучки камыша. Затем все это замазывалось толстым слоем глины и устроенный таким образом потолок был крепким и теплым. [17] Камыш также применялся для настилки крыши. Использовалась для этой цели и солома, но камышовая крыша считалась более надежной и долговечной (в то же время, даже соломенное покрытие было много лучше, чем сделанное из дерна: как писал один из журналистов в 1911 г., южно-российские немцы, работавшие на заводах Армавира, жили в примитивных хибарках, укрытых землей и, естественно, «во время дождя такая «крыша» прекращается в грязь и стекает внутрь жилых помещений, благодаря чему в них постоянная сырость» [18]).

На Юге России наиболее распространенной являлась четырехскатная крыша. Так, специалисты отмечают, что в XIX в. на значительной части степной территории Кубани глинобитные постройки покрывались «четырёхскатными соломенными или камышовыми крышами с большими свесами, поддерживаемые консольными выносами верхней обвязки и балок». [19] Но в тех районах, в которых дефицит леса ощущался наиболее остро, в целях экономии сооружались не четырех-, а двускатные крыши; так было, например, в селениях безлесного Таманского полуострова. Да и в других районах Кубани на протяжении ряда лет, предшествующих революционному 1917 г., все чаще стали делать двускатные крыши (которые здесь называли крышей «на немецкий строй»), причиной чего многие современники и старожилы называли негативное влияние Первой мировой войны. [20] Обусловленные ею экономические трудности и, в том числе, удорожание лесоматериалов, заставили хлеборобов отказываться от устройства традиционных четырехскатных крыш.

Вышеперечисленные типы сельских жилых построек сосуществовали друг с другом на всем протяжении досоветской эпохи, но на отдельных этапах те или иные среди них доминировали. Первые переселенцы, привлеченные на Юг России слухами о здешних плодородных черноземах, нередко строили временное жилье, каковым выступали возникшие еще в глубокой древности землянки и полуземлянки. Так, в 1821 г. на Кубани расселялись новые группы переселенцев, в том числе на реке Ясени, и для них были вырыты землянки на первое время. [21]

Обжившись на новом месте, укрепив хозяйство, переселенцы начинали строить более или менее добротное наземное жилье. Первоначально южно-российские хлеборобы широко использовали дерево при строительстве жилищ, сооружая рубленые дома, которые, в отличие от архитектурных традиций Центра или Северо-Запада России, строились не из бревен, а из толстых широких досок. Особенно характерно это было для казаков, так как «станичные наделы наряду с пахотной землей включали в свой состав и леса», а иногородним, не имевшим в казачьих областях земельных наделов, часто было весьма затруднительно обеспечить себя лесом. [22] Тем не менее, и неказачье население Юга России нередко позволяло себе определенные траты на лесоматериалы, из которых строились рубленые дома. Как со знанием дела утверждал Миллер, еще за 30–50 лет до публикации его статьи (то есть в 1860–1880-х гг.) в Таганрогском и Ростовском округах Области войска Донского обычным типом жилья крестьян-малороссов была рубленая хата, сооруженная из 2 – 2,5 вершков досок, шириною в 6 вершков каждая, которые связывались на углах «в замок». [23] Такая же картина наблюдалась и на Кубани, и на Ставрополье. В частности, ставропольские крестьяне до середины XIX в. строили свои дома в основном из дерева; во-первых, древесина тогда не являлась недостижимым дефицитом, а во-вторых, переселенцы (особенно это касалось выходцев из центральных российских губерний) сначала не могли отрешиться от своей привычки рассматривать таковую как ведущий и чуть ли не единственный стройматериал. [24]

Но уже в середине – второй половине XIX в. на Юге России (да, собственно, и во многих других губерниях Российской империи [25]) нехватка и существенное подорожание строительной древесины по причине хищнического истребления лесов и отсутствия практики планомерных лесонасаждений стали весьма ощутимы. Еще более эта проблема обострилась в начале XX в. вследствие экономического кризиса, войн и революций. В относительно лесистых местностях Юга России (скажем, в предгорных районах Кубани) дефицит лесоматериалов был не столь острым, так что здесь деревянное домостроительство сохранялось: в частности, в XIX – начале XX вв. в станицах Майкопского отдела Кубанского казачьего войска обычным типом жилища был «сруб, обмазанный снаружи глиной и побеленный». [26] В большинстве же случаев нехватка леса заставляла южно-российских хлеборобов строить турлучные и, особенно, саманные дома; причем, последние постепенно становились доминирующими, ибо со временем проблемы с лесоматериалами лишь обострялись.

Все тот же Миллер в 1912 г. отмечал вытеснение турлучных хат саманными как тенденцию, которая была отчетливо выражена на Нижнем Дону. По его наблюдениям, если в Таганрогском округе все еще преобладали хаты «на сохах», то в Ростовском округе они были окончательно вытеснены саманными по той причине, что для турлучных строений «требуется большое количество леса, дорожающего с каждым годом». [27] На Ставрополье во второй половине XIX в., как отмечают исследователи, основным типом крестьянского жилища также стали саманные хаты. [28] На Кубани жилища из самана встречались уже в XIX в., но более широкое распространение в местных селах и станицах они получили в начале XX в. в условиях кризисов и революций. [29]

Безусловно, и во второй половине XIX – начале XX вв. жилища донских, кубанских, ставропольских хлеборобов были представлены не только саманными и сохранявшимися в тех или иных районах и селениях турлучными строениями. Представители зажиточной верхушки иногороднего населения Юга России могли позволить себе деревянные или даже кирпичные дома. Миллер, например, свидетельствовал, что в крестьянских селах Нижнего Дона присутствуют немногочисленные кирпичные дома с железными или черепичными крышами. [30]

Чаще же всего добротные деревянные и кирпичные дома, крытые листовым железом или черепицей, можно было увидеть в немецких колониях, где они продолжали радовать глаз и в советскую эпоху (например, современники в 1920-х гг. указывали, что жильем населению колонии Воронцовка Ейского района Северо-Кавказского края служат «аккуратные чистенькие кирпичные домики» [31]) и в казачьих станицах. Красный командир Д.И. Рябышев, принадлежавший к донскому казачеству, так описывал внешний вид досоветских казачьих станиц: «Ближе к Цимле глядели большими глазами-окнами на задумчивую водную гладь курени богатых казаков. Срубленные из добротного леса, крытые железом, выкрашенные зеленой или красной краской, они как бы сторонились куреней, стоявших поодаль, под соломенными или камышовыми крышами, где жили казаки-середняки и бедняки». [32] В тех же донских, кубанских, терских станицах не столь уж редко можно было встретить и принадлежащие богатым казакам кирпичные жилые строения либо деревянные дома, обложенные кирпичом. В частности, в конце XIX – начале XX вв. в станице Новоцербиновской на Кубани такие дома были не единичны, чему в определенной степени способствовало наличие здесь собственного кирпичного завода. [33]

С другой стороны, неимущая иногородняя беднота иной раз не могла осилить даже задачу сооружения примитивной саманной хаты и ютилась все в тех же землянках. Даже в конце XIX – начале XX вв. на Юге России сохранялось это архаичное жилье. Миллер, правда, утверждал в 1912 г., что на Нижнем Дону землянки ушли в прошлое, от них «не сохранилось и следа, остались только воспоминания и то очень отдаленные», и лишь «у наиболее бедного населения на хуторах, арендованной земле, огородах и т. д.» изредка встречаются подобия землянок. [34] Исследователь был прав в том, что широкого распространения в данное время землянки уже не имели, но как тип жилья все-таки сохранялись.

Например, новые поселенцы Ставрополя, прибывавшие сюда в пореформенный период, часто рыли себе такие убежища, надеясь со временем обустроиться и переселиться в хату. [35] Беднейшая часть крестьянства, обманувшаяся в своих надеждах укрепить

хозяйство, могла ютиться в землянках долгие годы. В частности, старожил поселка Изобильно-Тищенский (Ставрополье) А.Д. Толубаев, родившийся в 1889 г., вспоминал, что его семья и их соседи «жили по черному, в землянках, крыши которых очень немного возвышались над землей. Зимой можно было приметить землянки только по дыму из труб. Ямщики часто не замечали этих строений и ехали на санях прямо по крышам». [36] Так же поступали крестьяне, обживавшие степные пространства современного Зимовниковского района Ростовской области: «невысокие землянки (они наполовину врывались в землю) строили из самана, а чаще из дерна, кое-как обмазав их глиной. Такие хибарки были с маленькими подслеповатыми окошками. Свету в них было мало, воздух был сырым. Пол был земляной, крыша тоже. Кровати и топчаны были редкостью». [37]

Как видим, условия проживания в землянках никак не могли быть названы комфортными. Но и во множестве наземных жилищ, принадлежавших не только бедноте, но и представителям средних слоев крестьянства, бытовые условия были чрезвычайно далеки от идеальных. Параметры сельского жилья, равно как и особенности складывавшегося веками крестьянского домашнего быта, были таковы, что жизнь в хатах (неважно, являлись таковые саманными, турлучными, вальковыми и т. д.) сопровождалась довольно существенными неудобствами.

Первейшим из таких неудобств являлась теснота. Отчасти, она порождалась тем, что среднестатистическая крестьянская семья в досоветский период являлась многодетной и, вообще, многочисленной. В избе «в страшной тесноте жили, как правило, 8 – 10 человек» и «в связи с этим самая острая проблема в избе – место для сна. Разумеется, в условиях крайней тесноты о кроватях не было и речи (исключения, конечно, были). Спали на лавках и прилавках». [38] Но первопричиной тесноты являлась, все же, не многочисленность крестьянской семьи, а изначальная маломерность жилища. Как отмечает А.В. Шипилов, русская изба обычно представляла собой однокамерное (однокомнатное) жилище со сторонами по 6,4 м (такая длина стен определялась спецификой стройматериала: сосновые бревна, из которых обычно строили избу, имеют слабый перепад толщины на 6 – 10-метровых отрезках). [39] Неудивительно, что «крестьянское жилище было переполнено, особенно зимой, и изба из века в век представляла собой некомфортабельное, не соответствующее элементарным санитарно-гигиеническим нормам жилье». [40]

Южно-российские хлеборобы при строительстве жилья не были ограничены размером бревен, как их коллеги из центральных регионов страны. Теоретически, турлучная, саманная и другие типы хат, при сооружении которых основным стройматериалом выступала глина, могли иметь сколь угодно длинные стены; сдерживающими факторами здесь выступали лишь традиции, здравый смысл и финансовые возможности того или иного сельского жителя – хозяина строящейся хаты. К сожалению, множество земледельцев как раз и не обладали достаточными материально-финансовыми ресурсами для строительства добротного и вместительного жилья, так что на Юге России проблема тесноты являлась не менее острой, чем в тех регионах нашей страны, где ведущим типом жилища была изба. Хаты многих донских, кубанских, ставропольских хлеборобов были побольше, чем та же изба со сторонами по 6,4 м (так, обычная турлучная хата имела стороны 12 на 6 метров; это был, как писал известный кубанский историк-аграрник В.В. Криводед, «наработанный и проверенный шаблон» [41]). Но, это не означало, что такие строения обеспечивали комфортное проживание, особенно большой семье.

В подавляющем большинстве случаев иногородние крестьяне на Дону, Кубани и Ставрополье строили себе либо однокомнатные хаты с сенями и кладовой, либо двухкомнатные, причем комнаты были разделены внутренними сенцами с той же кладовкой (зажиточная верхушка крестьянства и казачества, конечно, обзаводилась многокомнатными домами, но они не составляли большинства в селах и станицах). [42] Естественно, жилое пространство в таких одно- или даже двухкомнатных хатах было весьма и весьма ограничено: «там, где в доме было только одно жилое помещение, на *нарах* (здесь и далее в цитате курсив издания – *авт.*) или *помосте* спали *покотом* по несколько человек... Во многих больших семьях молодые пары спали во дворе, в специально устраиваемых небольших хатенках. Старики спали на печи и лавках, детей укладывали на полу». [43]

Тяжелее всего сельской бедноте и середнякам на Дону, Кубани и Ставрополье приходилось зимой, когда морозы не позволяли ночевать под открытым небом и большой

семье поневоле приходилось тесниться в хате. К тому же, на время сильных холодов в дом нередко приходилось загонять птицу, мелкую скотину и молодняк крупного рогатого скота, дабы они не померзли и не погибли в отсутствии надежных утепленных хлевов и конюшен. Вся эта живность доставляла хозяевам массу неудобств, о чем превосходно рассказал в одном из своих литературных произведений донской писатель М.А. Никулин. Он так обрисовал бытовые условия в зимнее время в доме одного из отрицательных героев своего произведения, – казака Ковалева: «По глинобитному полу большой передней, освещенной подвешенной к перерубу потолка лампой, прыгали черные, белые, дымчатые козлята и ягнята. Их было так много, что хозяйке, неслышно ходившей в своих валенках от стола к посудной лавке, все время приходилось глядеть под ноги. К широкой деревянной кровати с высокими спинками, подкрашенными красновато-коричневой краской, были привязаны три новотела. Весь этот многочисленный животный мир, загнанный холодом в комнату, жил здесь такой же обычной жизнью, какой жил бы и на базу и на пастбище. Ягнята, козлята и телята то и дело мочились...» [44]

Чтобы столь обильный «полив» не превратил глиняный пол в болото, сын Ковалева, Яшка, стоял посреди комнаты, «держа в руках глубокий глиняный горшок». Его отец «грузной горой восседал на печи, склонив всклокоченную голову и свесив ноги, обутые в большущие белые валенки» и сердито покрикивал на сына: «Яшка, ты что, ослеп? Подставляй горшок рябой телушке, не видишь, что хвост задрала?» Яшка оперативно выполнил распоряжение («услуга была оказана почти вовремя»), но живности было много и отец тут же закричал вновь: «Живей поворачивайся! Вон козленок – то же самое!...» [45] Сколь бы смешно не выглядел процитированный нами отрывок, его смело можно считать не выдумкой или преувеличением, а документально точной зарисовкой с натуры. Ведь, сам М.А. Никулин родился еще в 1898 г. в семье донского казака и, вне всяких сомнений, наблюдал своими глазами все то, что впоследствии описал.

Заключение

Материальная культура жилого строения южно-российского крестьянства в 1920-е годы отражала исторические традиции домостроительства региона, но общей характерной чертой выделяется низкий уровень благосостояния сельского жителя.

Примечания.

1. Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 2001. С. 300, 323.
2. Очерки общей этнографии. Европейская часть СССР. С. 57 – 58.
3. Криводед В.В. История села Львовского на Кубани. Краснодар, 2002. С. 29.
4. Кубанские станицы. С. 108 – 109; По страницам истории Кубани (краеведческие очерки) / Отв. ред. В.Н. Ратушняк. – Краснодар, 1993. С. 179.
5. Большой толковый словарь донского казачества / Под ред. В.И. Дегтярева, Р.И. Кудряшовой, Б.Н. Проценко, О.К. Сердюковой. – М., 2003. С. 535.
6. Словарь кубанских говоров. Краснодарский край: восточный регион / Отв. ред. В.М. Пелих. – Армавир, 2009. С. 226.
7. Кубанские станицы. С. 114.
8. Миллер М.А. Очерк крестьянских построек в Приазовье //Записки Ростовского на Дону общества истории, древностей и природы. Т. 1 / Под ред. А.М. Ильина. Ростов н/Д., 1912. С. 44.
9. Большой толковый словарь донского казачества. С. 470; Словарь кубанских говоров. Краснодарский край: восточный регион. С. 206; Семенцов М.В. Историко-экологические аспекты хозяйственного освоения Кубани казачеством в XIX – начале XX вв. // Дикаревские чтения (13). С. 109.
10. Миллер М.А. Очерк крестьянских построек в Приазовье //Записки Ростовского на Дону общества истории, древностей и природы. Т. 1. С. 45 – 46.
11. Кубанские станицы. С. 115.
12. Там же, С. 115.
13. Там же, С. 115.
14. Там же, С. 115.

15. Миллер М.А. Очерк крестьянских построек в Приазовье // Записки Ростовского на Дону общества истории, древностей и природы. Т. 1. С. 44, 45 – 46.
16. Игнатенко В.П. Исторические данные о станице Новощербиновской. Сказание о земле казачьей // О прошлом и настоящем. Альманах. 2007. Вып. 1. С. 26 – 27.
17. Там же, С. 26 – 27.
18. Ктиторов С.Н. Занятость немецкого населения дореволюционного Армавира // Вопросы южнороссийской истории. Науч. сборник. Вып. 18 / Под ред. С.Н. Ктиторова. – Армавир, 2013. С. 134.
19. Кубанские станицы. С. 108.
20. Там же, С. 116.
21. Алексеенко Г. Моя Новощербыневка // О прошлом и настоящем. Альманах. 2007. Вып. 1. С. 40.
22. Дейнега В.И., Кравченко В.Я. Семья Дейнегов: 200 лет на Кубанской земле. Новочеркасск, 2010. С. 49.
23. Миллер М.А. Очерк крестьянских построек в Приазовье // Записки Ростовского на Дону общества истории, древностей и природы. Т. 1 / Под ред. А.М. Ильина. – Ростов н/Д., 1912. С. 42, 43, 44.
24. Край наш Ставрополье. С. 168.
25. Например, в конце XIX в. очевидцы сообщали, что в Котельническом уезде Вятской губернии «истребление лесов в некоторых частях уезда и сильное поднятие цен на лесные материалы довели до того, что на 100 р. нельзя стало устроить мало-мальски сносную жилую избу. Это заставило котельническое земство прибегнуть к распространению среди крестьян глино-соломенных построек и крыш, которые вместе с тем безопасны в пожарном отношении». Причем «для большего развития саманных построек земство выдает пособия и ссуды, а за устройство крыш – премии» («Саманные» постройки // Неделя. 1899. № 42. С. 1386 – 1387).
26. Кубанские станицы. С. 110.
27. Миллер М.А. Очерк крестьянских построек в Приазовье // Записки Ростовского на Дону общества истории, древностей и природы. Т. 1. С. 45.
28. Невская Т.А., Чекменев С.А. Ставропольские крестьяне. С. 68.
29. Кубанские станицы. С. 115.
30. Миллер М.А. Очерк крестьянских построек в Приазовье // Записки Ростовского на Дону общества истории, древностей и природы. Т. 1. С. 41.
31. Штенберг. Воронцовка // Молот. 1926. 3 марта.
32. Рябышев Д.И. Выросли мы в пламени. Воспоминания. Издание второе, переработанное, дополненное. Ростов н/Д., 1979. С. 6.
33. Игнатенко В.П. Исторические данные о станице Новощербиновской. Сказание о земле казачьей // О прошлом и настоящем. Альманах. 2007. Вып. 1. С. 20.
34. Миллер М.А. Очерк крестьянских построек в Приазовье // Записки Ростовского на Дону общества истории, древностей и природы. Т. 1. С. 41.
35. «Землянку вырывали целиком в земле, крышу тоже делали земляную на досках, при этом она немного выступала над землей. Вниз выкапывали ступеньки, стены внутри обмазывали глиной и белили. В землянках, как и в хатах, устанавливали русскую печь» (Край наш Ставрополье. С. 168).
36. Богачкова А.Е. История Изобильненского района. Ставрополь, 1994. С. 34.
37. Фoniaков В.В., Гончаров М.А., Гонецкий В.Ф. Край, где мы живем. Историко-краеведческие очерки о Зимовниковской земле и ее людях / Под ред. В.В. Фoniaкова. – Волгодонск, 1998. С. 56.
38. Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. С. 315.
39. Шипилов А.В. В тесноте... (Об одной характерной черте русской традиционной бытовой культуры) // Вопросы истории. 2005. № 1. С. 137.
40. Там же, С. 139.
41. Криводед В.В. История села Львовского на Кубани. С. 29 – 30.
42. Кубанские станицы. С. 111; Невская Т.А., Чекменев С.А. Ставропольские крестьяне. С. 71.

43. Кубанские станицы. С. 118.

44. Никулин М. Выстрел на хуторе // Зори над Доном. Литературная летопись / Под ред. В.А. Закруткина. – Ростов н/Д., 1967. С. 99.

45. Там же, С. 100.

References:

1. Milov L.V. Velikorusskii pakhar' i osobennosti rossiiskogo istoricheskogo protsessa. M., 2001. S. 300, 323.

2. Ocherki obshchei etnografii. Evropeiskaya chast' SSSR. S. 57 – 58.

3. Krivoded V.V. Istoriya sela L'vovskogo na Kubani. Krasnodar, 2002. S. 29.

4. Kubanskie stanitsy. S. 108 – 109; Po stranitsam istorii Kubani (kraevedcheskie ocherki) / Otv. red. V.N. Ratushnyak. – Krasnodar, 1993. S. 179.

5. Bol'shoi tolkovyi slovar' donskogo kazachestva / Pod red. V.I. Degtyareva, R.I. Kudryashovoi, B.N. Protsenko, O.K. Serdyukovoi. – M., 2003. S. 535.

6. Slovar' kubanskikh govorov. Krasnodarskii kraj: vostochnyi region / Otv. red. V.M. Pelikh. – Armavir, 2009. S. 226.

7. Kubanskie stanitsy. S. 114.

8. Miller M.A. Ocherk krest'yanskikh postroek v Priazov'e // Zapiski Rostovskogo na Donu obshchestva istorii, drevnostei i prirody. T. 1 / Pod red. A.M. Il'ina. – Rostov n/D., 1912. S. 44.

9. Bol'shoi tolkovyi slovar' donskogo kazachestva. S. 470; Slovar' kubanskikh govorov. Krasnodarskii kraj: vostochnyi region. S. 206; Sementsov M.V. Istoriko-ekologicheskie aspekty khozyaistvennogo osvoeniya Kubani kazachestvom v XIX – nachale XX vv. // Dikarevskie chteniya (13). S. 109.

10. Miller M.A. Ocherk krest'yanskikh postroek v Priazov'e // Zapiski Rostovskogo na Donu obshchestva istorii, drevnostei i prirody. T. 1. S. 45 – 46.

11. Kubanskie stanitsy. S. 115.

12. Tam zhe, S. 115.

13. Tam zhe, S. 115.

14. Tam zhe, S. 115.

15. Miller M.A. Ocherk krest'yanskikh postroek v Priazov'e // Zapiski Rostovskogo na Donu obshchestva istorii, drevnostei i prirody. T. 1. S. 44, 45 – 46.

16. Ignatenko V.P. Istoricheskie dannye o stanitse Novoshcherbinovskoi. Skazanie o zemle kazach'ei // O proshlom i nastoyashchem. Al'manakh. 2007. Vyp. 1. S. 26 – 27.

17. Tam zhe, S. 26 – 27.

18. Ktitorov S.N. Zanyatost' nemetskogo naseleniya dorevol'yutsionnogo Armavira // Voprosy yuzhnorossiiskoi istorii. Nauch. sbornik. Vyp. 18 / Pod red. S.N. Ktitorova. – Armavir, 2013. S. 134.

19. Kubanskie stanitsy. S. 108.

20. Tam zhe, S. 116.

21. Alekseenko G. Moya Novoshcherbynevka // O proshlom i nastoyashchem. Al'manakh. 2007. Vyp. 1. S. 40.

22. Deinega V.I., Kravchenko V.Ya. Sem'ya Deinegov: 200 let na Kubanskoj zemle. Novocherkassk, 2010. S. 49.

23. Miller M.A. Ocherk krest'yanskikh postroek v Priazov'e // Zapiski Rostovskogo na Donu obshchestva istorii, drevnostei i prirody. T. 1 / Pod red. A.M. Il'ina. – Rostov n/D., 1912. S. 42, 43, 44.

24. Krai nash Stavropol'e. S. 168.

25. Naprimer, v kontse XIX v. ochevidtsy soobshchali, chto v Kotel'nicheskom uezde Vyatskoi gubernii «istreblenie lesov v nekotorykh chastyakh uezda i sil'noe podnyatie tsen na lesnye materialy doveli do togo, chto na 100 r. nel'zya stalo ustroit' malo-mal'ski snosnyuyu zhiluyu izbu. Eto zastavilo kotel'nicheskoe zemstvo pribegnut' k rasprostraneniyu sredi krest'yan glino-solomennykh postroek i krysh, kotorye vmeste s tem bezopasny v pozharnom otnoshenii». Prichem «dlya bol'shego razvitiya samannykh postroek zemstvo vydaet posobiya i ssudy, a za ustroistvo krysh – premii» («Samannye» postroiiki // Nedelya. 1899. № 42. S. 1386 – 1387).

26. Kubanskie stanitsy. S. 110.

27. Miller M.A. Ocherk krest'yanskikh postroek v Priazov'e // Zapiski Rostovskogo na Donu obshchestva istorii, drevnostei i prirody. T. 1. S. 45.

28. Nevskaya T.A., Chekmenev S.A. Stavropol'skie krest'yane. S. 68.

29. Kubanskіe stanitsy. S. 115.
30. Miller M.A. Oчерk krest'yanskikh postroek v Priazov'e // Zapiski Rostovskogo na Donu obshchestva istorii, drevnostei i prirody. T. 1. S. 41.
31. Shtenberg. Vorontsovka // Molot. 1926. 3 marta.
32. Ryabyshev D.I. Vyrosli my v plameni. Vospominaniya. Izdanie vtoroe, pererabotannoe, dopolnennoe. Rostov n/D., 1979. S. 6.
33. Ignatenko V.P. Istoricheskie dannye o stanitse Novoshcherbinovskoi. Skazanie o zemle kazach'ei // O proshlom i nastoyashchem. Al'manakh. 2007. Vyp. 1. S. 20.
34. Miller M.A. Oчерk krest'yanskikh postroek v Priazov'e // Zapiski Rostovskogo na Donu obshchestva istorii, drevnostei i prirody. T. 1. S. 41.
35. «Zemlyanku vyryvali tselikom v zemle, kryshu tozhe delali zemlyanuyu na doskakh, pri etom ona nemnogo vystupala nad zemlei. Vniz vykapyvali stupen'ki, steny vnutri obmazyvali glinoi i belili. V zemlyankakh, kak i v khatakh, ustanavlivali russkuyu pech'» (Krai nash Stavropol'e. S. 168).
36. Bogachkova A.E. Istoriya Izobil'nenskogo raiona. Stavropol', 1994. S. 34.
37. Fonyakov V.V., Goncharov M.A., Gonetskii V.F. Krai, gde my zhivem. Istoriko-kraevedcheskie oчерki o Zimovnikovskoi zemle i ee lyudyakh / Pod red. V.V. Fonyakova. – Volgodonsk, 1998. S. 56.
38. Milov L.V. Velikorusskii pakhar' i osobennosti rossiiskogo istoricheskogo protsessa. S. 315.
39. Shipilov A.V. V tesnote... (Ob odnoi kharakternoi cherte russkoi traditsionnoi bytovoi kul'tury) // Voprosy istorii. 2005. № 1. S. 137.
40. Tam zhe, S. 139.
41. Krivoded V.V. Istoriya sela L'vovskogo na Kubani. S. 29 – 30.
42. Kubanskіe stanitsy. S. 111; Nevskaya T.A., Chekmenev S.A. Stavropol'skie krest'yane. S. 71.
43. Kubanskіe stanitsy. S. 118.
44. Nikulin M. Vystrel na khutore // Zori nad Donom. Literaturnaya letopis' / Pod red. V.A. Zakrutkina. – Rostov n/D., 1967. S. 99.
45. Tam zhe, S. 100.

УДК 94

Материальная культура южно-российских крестьян в 1920-х годах: состояние жилья

Сусанна Джамилловна Багдасарян

Сочинский государственный университет, Российская Федерация
кандидат исторических наук, доцент
E-mail: BSD73@mail.ru

Аннотация. Природно-географические условия, существенно различающиеся в тех или иных регионах столь обширной страны, как Россия, уже с глубокой древности оказывали определяющее влияние на приемы домостроительства и типологию русского жилья. Как писал известный знаток российской деревни, академик Л.В. Милов, строительного камня в стране было очень мало, да и «в условиях суровой и долгой зимы каменное строение потребовало бы столь большое количество дров, что его заготовить крестьянину, пользуясь одним лишь топором» (ручные пилы стали изредка проникать в быт русской деревни лишь примерно во второй половине XVIII в.) «было просто не под силу». Единственной альтернативой камню в сфере домостроительства оставалось дерево. [1] Но если сказанное справедливо в отношении центральных и северных территорий России, богатых лесом, то южные регионы нашей страны никак не могли быть названы лесистыми и потому наиболее распространенными строительными материалами здесь издавна являлись глина, жерди, хворост, камыш.

Ключевые слова: материальная культура; домостроительство; сельская жилая постройка; жилище; хата.